

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Св. Тихонъ. Св. Митрофанъ.

ПРИКАЗАНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

15-го Мая

№ 10

1880 года.

С Л О В О

Въ понедѣльникъ Св. Пасхи и на день празднованія рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ было сильное вѣрованіе въ соотношеніе явленій міра физическаго и нравственнаго и ихъ взаимодѣйствіе. Умъ человѣческой издавна, на самыхъ первыхъ порахъ своего развитія, въ чувствѣ своей зависимости отъ внѣшней природы, старался проникнуть въ ея тайны и опредѣлить силу и степень ея вліянія на человека. Въ этомъ стремленіи особенно интересовали и приковы-

вали къ себѣ вниманіе тѣ явленія въ мірѣ физическомъ, которыя совпадали или съ важнѣйшими моментами въ жизни людей, какъ, напр., со днемъ рожденія, или съ важнѣйшими событіями въ жизни государствъ — войнами, различнаго рода переворотами и т. п. Отсюда возникли на востокѣ — наука астрологія и ея представители звѣзdochеты, маги, халдеи и др., которые, въ числѣ другихъ обязанностей, имѣли наблюдать теченіе свѣтилъ небесныхъ и другія явленія и по нимъ опредѣлять будущую судьбу людей. Такъ явились на Руси нашей чародѣи, кудесники и волхвы, которые по примѣтамъ различнаго рода такъ или иначе пытались узнать, что ожидаетъ человѣка въ этомъ мірѣ.

Теперь человѣкъ, руководящійся примѣтами и повѣрьями, смѣшонъ и недостоинъ названія просвѣщеннаго человѣка.

Но изъ Слова Божія намъ извѣстно, что явленія физическаго міра иногда дѣйствительно возвѣщаютъ явленія нравственнаго міра, что между тѣми и другими бываетъ какая-то непонятная для насъ связь, нѣкоторое соотвѣтствіе „Небеса проповѣдуютъ, говоритъ св. Пророкъ Давидъ, славу Божію и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь (Пс. 18. 1 ст.). Такъ какъ дѣятельность Божія по отношенію къ міру не ограничивается однимъ сотвореніемъ его, а проявляется во все время его существованія въ формѣ управленія и промышленности о немъ, то, значитъ, и явленія тверди небесной вѣщаютъ не только о премудрости и всемогуществѣ Его, какъ Творца, но и Его благодати, проявляющейся въ промышленности Божіемъ о мірѣ и въ особенности о человѣкѣ. Итакъ, твердь, по слову Божію, и явленія, происходящія въ ней — гласъ, возвѣщающій дѣла рукъ Божіихъ, дѣла промышленности о спасеніи міра и человѣка. Другими словами, твердь — это великая и преславная книга, которую можетъ читать всякій и которая при этомъ иногда говоритъ яснѣе, чѣмъ всякая другая, зак-

лючающая въ себѣ мудрость земную. Припомните въ самомъ дѣлѣ, какъ нерѣдко Господь, въ дѣлѣ домостроительства нашего спасенія, явленія міра вещественнаго избиралъ средствомъ для откровенія своей Святой воли! Не перечисляя всѣхъ подобныхъ случаевъ, укажемъ на нѣкоторыя и важнѣйшія изъ нихъ. Возстановляя Свой завѣтъ съ человѣкомъ послѣ потопа, знаменіемъ этаго завѣта Онъ поставляетъ радугу—одно изъ извѣстныхъ явленій тверди небесной. Изрекая десять заповѣдей закона Божія, Господь Богъ является Моисею и народу при громѣ молніи и трубномъ звукѣ. Ведя Евреевъ изъ земли Египетской въ землю Ханаанскую, Господь проявляетъ свое чудесное водительство ночью въ столпѣ огненномъ, а днемъ въ столпѣ облачномъ. Рожденіе Христа Спасителя также возвѣщается нѣкоторымъ особеннымъ знаменіемъ,—явленіемъ чудесной звѣзды на востокѣ, которая изъ далекой страны приводитъ волхвовъ на поклоненіе новорожденному Богомладенцу. Смерть Богочеловѣка возвѣщена была страшными знаменіями на землѣ: въ шестомъ часу настала тьма по всей землѣ и продолжалась до часа девятаго (Марк. 15 гл. 33 ст.); завѣса въ храмѣ раздралась на двое, сверху до низу, и земля потряслась и камни разсѣялись (Мѡ. 27. 51). Наѹонецъ, славное второе пришествіе будетъ сопровождаться также различнаго рода небесными знаменіями: тогда, по изображенію Самаго І. Христа, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблутся. Тогда же явится знаменіе Сына чело-вѣческаго на небѣ (Мѡ. 24. 29—30.). Послѣ всего этаго можемъ-ли мы оставаться и быть совершенно праздными зрителями всего, совершающагося въ мірѣ физическомъ? Не прибѣгая къ суевѣрнымъ примѣтамъ и предразсудкамъ и не вѣря въ астрологическія бредни, не должны ли мы проразумѣвать знаменія временъ и въ явленіяхъ тверди небесной

видѣтъ откровенія высшей Божественной воли?... По этому не погрѣшимъ мы, кажется, и не унизимъ сего священнаго мѣста, если обратимъ Ваше вниманіе на виѣщія обстоятельства, при которыхъ произошло то и другое празднуемое нынѣ событіе.

„Св. Амвросій Медиоланскій, говоритъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, любомудрствуя о праздникѣ Рождества Христова, замѣчаетъ, что со времени его день начинается возрастать, какъ-бы показуя симъ начало и обиліе свѣта духовнаго, возсіявшаго на весь міръ изъ Вифлеема. Не съ меньшею справедливостію, продолжаетъ онъ, можемъ замѣтить и мы, что время воскресенія Христова есть то самое въ году, когда вся природа обновляется и какъ-бы воскресаетъ послѣ зимняго холода. Смотри на весну *изъ оконъ храма* невольно видишь въ ней нѣкое знаменіе, коимъ земля ежегодно привѣтствуетъ Побѣдителя ада и смерти.... Онъ могъ умереть и воскреснуть въ другое время года; между тѣмъ воскресъ именно тогда, когда вся природа можетъ привѣтствовать Его своимъ совоскресеніемъ (Сочин. Иннок. т. IV). Можемъ-ли мы сказать, чтобы здѣсь была только случайная связь? Не должны-ли, напротивъ, видѣтъ между воскресеніемъ природы и воскресеніемъ Господа связь не только по времени, но и по существу дѣла?

Отъ мысли о воскресшемъ обратимся къ другому виновнику нынѣшняго торжества и остановимся мыслію на времени Его рожденія. Государь Императоръ родился 17 апрѣля, когда весеннее солнце, прогоняя зимній холодъ, вступаетъ въ свои права и все оживляетъ и согрѣваетъ, родился при этомъ не во дни поста, а въ свѣтлые дни Св. Пасхи, когда весь народъ безъ изыатія оставляетъ свои обычныя занятія и забываетъ свое горе и нужду, когда всюду разносится и слышится торжественный пасхальный звонъ колоколовъ.

ли? Что это значит? Если нѣтъ вообще дѣйствія безъ причины, если, по слову Божию, и волосъ съ головы человѣка не падаетъ безъ воли Отца Небеснаго (Мат. X. 30), и если, далѣе, Всевышній владѣетъ царствомъ и дастъ его кому хочетъ (Дан. IV. 14), если, наконецъ, Господь во время потребнаго человѣка воздвигаетъ на землѣ (Сир. X. 4), то можемъ-ли мы смотрѣть на обстоятельства и время рожденія Государя Императора, какъ на нѣчто случайное? Не должны-ли напротивъ видѣть въ нихъ предъуказаніе Его будущей всеживляющей и обновляющей дѣятельности? Въ самомъ дѣлѣ что такое царствованіе Александра II-го? Не рядъ-ли это дѣяній, напоминающихъ собою тоже живительное дѣйствіе, какое производитъ весна и славное воскресенье Спасителя? Для доказательства этаго остановимся на важнѣйшихъ моментахъ Его царствованія. Восшествіе на престолъ Государя Императора совершилось въ одну изъ тяжелыхъ годинъ Русскаго государства, среди самыхъ трудныхъ политическихъ обстоятельствъ. Грозныя тучи омрачали тогда политическій горизонтъ. Происходилъ разгаръ упорной и тяжелой войны почти въ пять Европейскими державами; главный оплотъ и оборонительный пунктъ — Севастополь не могъ держаться и палъ — и вотъ миролюбивый и кроткій Государь, не смотря на то, что приходилось дѣлать территоріальныя уступки, прекращаетъ эту страшную кровопролитную войну, такъ какъ, по словамъ самаго Государя въ Его Высочайшемъ манифестѣ, «сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы отъ Бога намъ врученной». «Лучше, по словамъ того же манифеста, при помощи Небеснаго промысла, всегда благодѣющаго Намъ, да утверждается и усовершенствуется внутреннее благоустройство; правда и миръ да царствуютъ въ судахъ ея».

да развивается по всюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ». Въ другомъ манифестѣ—въ манифестѣ отъ 19-го Февраля 1861 г. Онъ говоритъ: «Божіимъ провидѣніемъ и священнымъ закономъ престонаслѣдія зыбывъ призваны на прародительскій Всероссійскій престоль, въ соотвѣтствіе сему призванію, Мы положили въ сердце своемъ обнимать нашу Царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую государственную службу до проводящаго на поля борозду сохою или плугомъ». И такъ счастье подданныхъ Онъ поставилъ девизомъ своего царствования. И дѣйствительно, лишь только Онъ вступилъ на престоль, лишь только война была прекращена, характеръ мягкости, чело-вѣколюбія, довѣрія выразился во всѣхъ правительственныхъ актахъ и «теплымъ обновляющимъ вѣтромъ пахнуло во всѣ концы нашей родины». Всѣ перемѣны, говорилъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣли одинъ характеръ: дарованіе разныхъ льготъ и облегченій и отеческое довѣріе Государя народу.

Реформъ, какъ видите, еще не было, но уже чувствовалось, что все пошло иначе, все ожило и всѣ понимали, что источникъ этой новой жизни—въ царѣ, въ его сердцѣ, проникнутомъ любовью и уваженіемъ къ Россіи.

Вѣрный своему слову и не ложный въ своихъ обѣщаніяхъ, Государь, лишь только явилась возможность, все свое вниманіе обращаетъ на преобразование внутренней жизни своего народа. И вотъ въ одно царствование совершены пре-

образованія, изъ которыхъ каждое порознь могло-бы составить славу цѣлаго царствованія. Уничтожено крѣпостное право, и двадцать слишкомъ миллионовъ русскаго народа сдѣлались свободными отъ произвола помѣщичьей власти, равноправными съ другими сословіями. Событіе безпримѣрное, котораго не могли совершить ни мощная Екатерина Великая, ни освободитель Европы отъ Наполеона, Александръ Благословенный! Событіе изумительное, такъ какъ совершилось такъ тихо, безъ потрясеній и волненій, какъ не совершалось ни въ одной странѣ, гдѣ потоки крови пролились прежде чѣмъ крестьяне добились своихъ правъ! Затѣмъ дарованъ всѣмъ сословіямъ судъ равный, скорый и правый, гдѣ судьба подсудимыхъ вручается не тайнамъ канцелярскаго клаяузничества, а совѣсти и суду присяжныхъ; преобразовано войско, и всѣ сословія, во имя равенства ихъ, призваны къ отбыванію вонской повинности; расширены права и открыты средства къ образованію для всѣхъ сословій — и образованіе, говоря сравнительно, разлилось широкою рѣкой. — Учреждено наконецъ земство, которымъ всѣ сословія призываются къ самостоятельности въ заботахъ и попеченіяхъ о своемъ мѣстномъ благосостояніи.

Но этаго мало. Александръ II-й явился освободителемъ не только для Россіи, но и для другихъ, отчасти сопредѣльныхъ, отчасти родственныхъ и единоплеменныхъ ей странъ. При этомъ не громъ побѣдъ, не слава русскаго оружія, не расширеніе предѣловъ своего государства и не другіе какіе-либо корыстные расчеты руководили благочестивѣйшимъ Императоромъ. Не любя войны и находя, что она задерживаетъ внутреннее развитіе и процвѣтаніе государства, онъ никогда-бы не предпринялъ ея, если бы не было къ ней другихъ вышшихъ побужденій. И дѣйствительно, только желаніе обезопа-

сильно охраняя свое государство и водворить государственность, мирь и равноправность среди дикой орды заставило Его предпринять трудную, но славную войну, окончившуюся покорением Ташкента и Хивинскаго ханства. Только желаніе освободить от жестокаго рабства турокъ и вырвать изъ ихъ звѣрскихъ рукъ единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ Славянъ побудило Его предпринять послѣднюю русско-турецкую войну — и предпринять уже тогда, когда къ освобожденію ихъ не осталось ни какого другаго средства. И все это легко ли доставалось Ему? Всѣ эти внутреннія преобразованія и внѣшнія войны совершены ли Имъ безъ усиленныхъ трудовъ, заботъ, и огорченій? Нѣтъ, тяжела вообще шапка Мономаха и не съ Его любвеобильнымъ сердцемъ равнодушно относиться къ тому, что совершается отъ Его имени и Его волею. Для доказательства, какъ горячо и дѣятельно относился къ своему дѣлу Императоръ, припомнимъ послѣднюю войну. Онъ самъ отправляется на поле битвы и живетъ здѣсь не день, не два, не недѣлю, а цѣлые мѣсяцы, живетъ не вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, а въ самомъ центрѣ ихъ; посѣщаетъ больныхъ и раненыхъ, переноситъ самъ различнаго рода лишения и опасности — и возвращается не прежде, какъ окончательно затихаетъ громъ пушекъ. Припомните, наконецъ, не очень давнюю, послѣднюю катастрофу, бывшую во Дворцѣ. Едва отрыли изъ подъ развалинъ свода несчастныхъ воиновъ и размѣстили ихъ по лазаретамъ, Онъ, конечно, пораженный и удрученный неожиданностію и адскою замысловатостію преступленія, въ тотъ же вечеръ Самъ посѣщаетъ несчастныхъ раненыхъ, а чрезъ два дня является на погребеніе несчастныхъ страдальцевъ.

Такимъ является Государь и Его дѣятельность въ нашемъ слабомъ и блѣдномъ очертаніи! Девизомъ Его царствованія и главнымъ двигателемъ Его дѣятельности служила

многообъемлющая любовь, которая все согреваетъ, и оживляетъ, подобно теплымъ весеннимъ лучамъ солнца, привѣтствовавшимъ Его въ день рожденія. Вся его дѣятельность имѣла одну главную цѣль—это пробужденіе народа и воскресеніе его для новой жизни и освобожденіе его отъ рабства, и какъ такая, не разъ обращала для насъ и будничные дни въ свѣтлые, пасхальные, оглашаемые громогласнымъ звономъ колоколовъ.

Но, братіе, извѣстно изъ исторіи христіанской церкви, что вслѣдъ за воскресеніемъ І. Христа, лишь только открылось новое благодатное царство, возстали и вооружились противъ него какъ-бы всѣ силы ада; малое избранное стадо І. Христа отсюду окружено было хищными волками, которые, казалось, готовы были разтерзать и уничтожить его. Съ другой стороны извѣстно также, что и весна, не смотря на всю свою прелесть и животворность, обыкновенно сопровождается явленіями другаго, противоположнаго порядка. Въ то время, какъ земля, отъ дѣйствія солнца оживаетъ и начинаетъ совершать свой благотворно—дѣятельный процессъ—въ это время изъ нѣдръ ея выступаютъ различнаго рода міазмы, дурныя испаренія, которыя, заражая воздухъ, вредно и разрушительно дѣйствуютъ на здоровье и жизнь людей. Нѣчто подобное этимъ явленіямъ повторилось и въ благотворномъ царствованіи Государя Императора. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Государь началъ свои преобразованія въ духѣ равенства и свободы, къ прискорбію своему, Онъ долженъ былъ увидѣть возстаніе въ подвластномъ Ему царствѣ и открыть борьбу съ тѣми, которыхъ такъ старался облагодѣтельствовать—разумѣю возстаніе Поляковъ и борьбу съ ними.

Далѣе, какъ бы по дѣйствію духа злобы, который не можетъ сносить славы и величія православно-христіанскаго

государства, изъ разнообразныхъ темныхъ убѣжищъ исходятъ не призванные и самимъ народомъ не признанные яко-бы печальники о благѣ народа; не смысленно стараются они ложными ученіями возбудить смуты въ народѣ; увлекають въ свои сѣти и губятъ молодыя силы и жизни легкомысленныхъ юношей, извращая ихъ смыслъ, правила и жизнь. Развращенные до мозга костей, они, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, не останавливаются ни предъ чѣмъ, ни предъ убійствомъ, ни предъ самоубійствомъ. И вотъ, скрытно какъ бы изъ за угла начинается многочисленный рядъ покушеній и на честныхъ гражданъ, и на лучшихъ и вѣрныхъ слугъ царя, и наконецъ на Него самого Помазаника Божія!.... Дерзость ихъ, по отношенію къ послѣднему, дошла до того, что они не даютъ Ему покоя ни въ землѣ чуждей, ни на пути, ни даже наконецъ въ самомъ чертогѣ царскомъ.

Братіе христіане и вѣрные слуги царскіе!. Врата адавы, силы тьмы не одолѣли и, по Слову Спасителя, не одолѣють церкви Божіей, потому что добро и истина не могутъ быть побѣждены зломъ и ложью. Вредныя весеннія испаренія не могутъ затмить блеска солнечныхъ лучей и уничтожить ихъ живительнаго и благотворнаго дѣйствія. Вѣруемъ и надѣемся, что и мрачныя, разрушительныя дѣйствія послѣдняго времени не затмятъ славы настоящаго царствования и не сокрушатъ добрыхъ и благотворныхъ началъ, положенныхъ въ основу реформъ.

Вѣруемъ и надѣемся, что новое благотворное дыханіе вѣтра скоро разгонитъ мрачныя тучи, висящія надъ нами теперь, и снова проглянетъ живительное солнце. Поэтому, не будемъ съ недовѣріемъ смотрѣть въ будущее и тѣмъ омрачать настоящихъ свѣтлыхъ дней, не будемъ падать духомъ, а будемъ лучше дѣйствовать противъ всего разрушительнаго дружно, съ любовью и въ твердомъ и свѣтломъ упованіи на

правоту своего дѣла. И повѣрьте - теплое сочувствіе царю, открытая и честная дѣятельность разрушать и одолѣють силу вражію. Аминь.

Рѣчь Святѣйшему Синоду, сказанная начальникомъ духовной миссіи въ японіи, архимандритомъ николаемъ, при нареченіи его во епископа ревельскаго, викарія рижской епархіи, 27 марта 1880 года.

Ваше святѣйшество,
богомудрые архинастыри и отцы!

Еслибы настоящее собраніе не касалось лично меня, я сказалъ бы, что очень радуюсь нареченію епископа для заграничной миссіи. Но я слишкомъ хорошо знаю предстоящія мнѣ трудности, что бы чувство страха и печали не смущало меня. Вашему святѣйшеству не благоугодно было принять мои представленія, чтобы для руководства Японской миссіи и церкви данъ былъ готовый или поставленъ вновь дѣйствительно достойный епископъ. Обѣтъ монашенства заставляеть меня подчиниться вашей волѣ. Дай Господи, чтобы она совпала съ волей Божіею! Буду утѣшать себя крѣпкою надеждой, что Господь, по молитвамъ вашимъ, не отниметъ изъ-за моего убожества Свою помогающую руку отъ миссіи и впередъ, какъ Онъ не отнималъ доселѣ. Таковую надежду внушаетъ мнѣ и самое положеніе православной миссіи, среди миссій инославныхъ, относительно язычниковъ. Тѣмъ язычникамъ, которыхъ Господь уже приготовилъ къ принятію христіанства, какъ представляются многочисленныя и разнообразныя христіанскія миссіи? Употреблю общезвѣстное сравненіе. Вотъ корабль самимъ Богомъ построенный и невидимо управляемый; для Богомъ даннаго человѣку разума все на этомъ кораблѣ

чинно и глубоко-разумно, для сердца все безукоризненно стройно и привлекательно, для воли все прочно и успокоительно. Вот и подражаніе эту кораблю: посудина съ виду большая, но расшатанная и съ пробоинами, которыя стараются замаскировать; виднѣющееся у руля подобіе Небеснаго Кормчаго само по временамъ кричитъ, что корабль его близокъ къ потопленію. Вот и множество другихъ самодѣльныхъ и еще менѣе надежныхъ посудинъ, устроенныхъ людьми замѣтившими опасность плаванія на той большой посудинѣ и поспѣшившими удалиться съ нея. Для людей гибнущихъ на морѣ жетейскомъ, каковы язычники, если только они пришли къ сознанію, что гибнуть, и пожелали спасенія, и если они имѣютъ предъ глазами и тотъ корабль и подражанія ему, не труденъ выборъ; не нужно съ корабля никакихъ искусственныхъ пріемовъ, къ какимъ не церемонятся прибѣгать пловцы посудинъ, ни самовосхваленій и клеветъ на другихъ, ни закупаній и задабриваній; Небеснымъ Кормчимъ и недозволены всѣ подобныя мѣры; Онъ велѣлъ только звать, — и больше простаго зова и готовности принимать на корабль нечего не нужно: всѣ, кого невидимо коснулася призывающая ко спасенію благодать Божія, сами изберутъ корабль; другіе же, по неосмотрительности раньше взшедшіе на ненадежныя посудины, поспѣшатъ сойти съ нихъ и взойти на корабль. Вот простое объясненіе успѣховъ православной миссіи въ Японіи, далеко превосходящихъ успѣхи миссій инославныхъ, несмотря на то что у послѣднихъ и средствъ, и миссіонеровъ множество, и очарованіе европейской цивилизаціи за ними, и современная пресса страны подъ ихъ вліяніемъ; вотъ объясненіе и того, почему тамъ сдѣлавшіеся протестантами раньше чѣмъ православная миссія открыта была въ послѣднее время, все чаще и чаще начинаютъ переходить въ православіе. Православной миссіи нужно только быть поставленною тамъ, гдѣ

есть католическая и протестантская—и она несомненно будет имѣть преимущественный успѣхъ, если только народъ готовъ къ принятію христіанства. Одному Богу извѣстно, дѣйствительно ли для Японіи наступило время сдѣлаться христіанскою; мы несомненно знаемъ, что «Евангелію», конечно истинному, «подобаетъ быть проповѣдану во всемъ мірѣ»; но когда какой странѣ суждено озариться свѣтомъ его, такіа большія дѣла Господь держитъ въ Своей десницѣ и не позволяетъ никому вѣдать ихъ: «не ваше есть разумѣти времена и лѣта». Мы можемъ сказать только, что если Японскій народъ предъ судомъ Божиимъ достаточно созрѣлъ для воспріятія спасающей благодати, то время призванія его не укоснить: Русская церковь заботится дать ему возможность быть призваннымъ. Слава и благодареніе Богу!

Но, въ качествѣ заграничнаго миссіонера, я немогу не выразить желанія, чтобы то, что Русская церковь дѣлаетъ для Японіи, она начала дѣлать и для другихъ языческихъ странъ. Ей по преимуществу ввѣрены глаголы жизни вѣчной. Что же она такъ долго оставляетъ народы сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной безъ слуха и вѣдѣнія о нихъ? Что вынуждаетъ ее къ тому? Недостатокъ ли средствъ? Дѣйствительно, всего чаще приходится слышать это возраженіе: «Намъ ли жертвовать за границу, когда у насъ бездна своихъ собственныхъ нуждъ!» Но судящіе такъ, если они хотятъ ревновать о пользахъ Россіи, сдѣлали бы гораздо лучше, еслибы громче и сильнѣе воіяли противъ непродуманнаго ухода за границу милліоновъ русскихъ денегъ на предметы роскоши напримѣръ, вмѣсто того чтобы жалѣть малыхъ расходовъ на содержаніе заграничныхъ миссій, полезныхъ всегда и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ ими завязываются духовныя связи съ народами, прочившимъ всякихъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній. Впрочемъ, судящіе такъ едва ли и могутъ ревновать

вать о какихъ-либо пользахъ Россіи: кто не чувствуетъ живой потребности подѣлиться съ другимъ, хотя бы при нѣкоторомъ пожертвованіи для себя, духовными благами, которыми обладаетъ, кто равнодушенъ къ вѣчной гибели миллионовъ человѣческихъ душъ, тотъ обнаруживаетъ черствость сердца безотрадную. Подобный-то эгоизмъ, напротивъ, и виной тому, что въ Россіи мало средствъ на добрыя дѣла: онъ стѣсняетъ ее и мѣшаетъ дальнѣйшему развитію въ ней духа христіанской любви и благотворительности. Нѣкоторый расходъ на содержаніе заграничныхъ миссій не только не убавитъ средствъ на удовлетвореніе внутреннихъ нуждъ, напротивъ, возвыситъ эти средства: если мы станемъ благотворить дальнимъ, тѣмъ болѣе возгорится у насъ желаніе и ревность благотворить приснымъ. Пожертваніе, куда бы то ни было сдѣланное съ доброю цѣлю, похоже на благовонное муро чудно зародившееся въ сосудѣ, которое и по изліяніи продолжаетъ благоухать въ сосудѣ. Дѣлаютъ и такое возраженіе, что у насъ еще много язычниковъ внутри Имперіи, и что о внѣшнихъ намъ рано заботиться, а нужно сначала обратить своихъ. Но еслибы такъ разсуждали св. апостолы, то христіанства до сихъ поръ нигдѣ бы не было, кромѣ развѣ Іудей, потому что апостолы и ихъ преемники никуда не должны были бы выходить на проповѣдь, не обративъ прежде Іудеевъ, а послѣдніе и до сихъ поръ не принимаютъ Мессіи. «Сія подобаетъ дѣлать и онѣхъ не оставятъ». Всѣ люди—чада Божія и всѣ одинаково нуждаются въ руководствѣ Божиємъ ко спасенію. И если намъ ввѣрено Слово Божіе къ людямъ, то въ высшей степени грѣшно и недобросовѣстно намѣренно воздерживаться отъ возвѣщенія его однимъ, пока услышатъ другіе. Пусть всякій желающій посвятить себя на проповѣдь—внутри или внѣ Имперіи—напутствуется съ такою же любовью отъ церкви во всѣхъ ея членахъ, съ какою напутствуете

вы, ваше святѣйшество! Кто болить о заблужденіяхъ внутреннихъ язычниковъ, пусть проповѣдуетъ имъ; кто желаетъ проповѣдывать виѣшнимъ, пусть къ нимъ несетъ слово благовѣстія. Миѣ, какъ одному изъ виѣшнихъ миссіонеровъ, да позволено будетъ желать и молить Бога, чтобы поскорѣе и побольше явилось собратій и соработниковъ на виѣшнемъ полѣ. А какое оно обширное, неоглядное! Тутъ же около Россіи, Китай—400 милліонная имперія. Сотни другихъ миссіонеровъ работаютъ тамъ сотни лѣтъ. Мы—то что же? Малочисленная, едва замѣтная миссія что можетъ сдѣлать для такого народа? Слѣдуетъ немедленно усилить ее и дать ей возможность шире раскинуть сѣть евангельской проповѣди. Пора послать проповѣдниковъ и къ народамъ Индійскаго полуострова. Во времена апостоловъ—не по благодати, а по численности—было несравненно меньше проповѣдническихъ средствъ, чѣмъ теперь въ Россіи, и однакоже двѣнадцать апостоловъ нашли возможнымъ отдѣлить одного изъ своего лика для посѣщенія Индіи, и св. апостоль Ѳома не только проповѣдывалъ Индійцамъ, но и жизнь свою положилъ за спасеніе ихъ. Память вселенскаго проповѣдника укоряетъ насъ за медленность и зоветъ возобновить и продолжить его дѣло.

Но говоря о язычникахъ, какъ мы можемъ забыть еще болѣе близкихъ намъ чѣмъ они заблуждающихся нашихъ собратій—католиковъ и протестантовъ? Проведши 20 лѣтъ за границей, я видѣлъ не мало весьма благочестивыхъ католиковъ и протестантовъ; но между этими благочестивыми людьми, иногда высоко образованными, не встрѣтилъ ни одного разсуждающаго въ религіозныхъ вопросахъ послѣдовательно; это потому конечно, что и не возможно быть послѣдовательнымъ католикомъ или протестантомъ, что католицизмъ и протестантство, по природѣ своей, какъ смѣсь богооткровенныхъ истинъ и человѣческихъ измышлений, тѣхъ и другихъ, точно

глина и желѣзо, не имѣющихъ никогда слиться въ одно цѣ-
 лое, — находятся въ непримиримой враждѣ съ самыми элемен-
 тарными приѣмами логики, и при послѣдовательномъ рассу-
 жденіи непремѣнно приводятъ или къ православію, для тѣхъ
 счастливыхъ, которые имѣютъ внутреннюю и виѣшнюю воз-
 можность узнать его, или къ измышленію какого-либо новаго
 толка, или же, при недостаткѣ терпѣнія, къ отверженію всего
 разомъ и атеизму. Благочестивые католики и протестанты
 обыкновенно съ усердіемъ исполняютъ то, что ихъ религія
 даетъ имъ чисто Божественнаго, о человѣческихъ же измыш-
 леніяхъ, включенныхъ въ число догматовъ избѣгаютъ и гово-
 рить, по инстинктивной наклонности къ охраненію своихъ
 вѣрованій. Господь да спасетъ ихъ! Свое доброе чувство къ
 нимъ я доказалъ на дѣлѣ тѣмъ, что въ продолженіи восьми
 лѣтъ живя въ городѣ, гдѣ были католики и протестанты и
 ни одного патера и пастора, съ любовію исполнялъ по ихъ
 просьбамъ всѣ требы, какія могъ безъ нарушенія нашихъ
 церковныхъ правилъ. Не объ обращеніи такихъ я говорю, —
 они и теперь безсознательно православные; я говорю о тѣхъ
 началахъ въ католичествѣ и протестанствѣ, которыя дѣлаютъ
 католичество и протестантство неправославіемъ. «Горе міру
 отъ соблазновъ, но и соблазнамъ подобаетъ принти,» пред-
 рекъ Спаситель. И вотъ эти соблазны непрерывною цѣнью
 тянутся со времяъ апостоловъ: къ гностикамъ примыкаетъ
 аріанство, къ нему едва замѣтнымъ звеномъ — латинство, отъ
 него протестанство; цѣнь эта, къ несчастію, продолжится
 до конца міра; явятся еще новыя, намъ теперь недовѣдомыя
 соблазны. Но съ давно явившимися и нынѣ продолжающимися
 существовать соблазнами нашъ долгъ бороться, а не оставлять
 ихъ почти безъ всякаго вниманія. Тѣни великихъ святыхъ
 борцевъ съ древними ересями укоризненно смотрятъ на насъ
 изъ глубины исторіи. Не такъ равнодушны были Иринеи,

Анастасіи, Григоріи, Дамаскини въ современнымъ имъ извращеніямъ христіанства! Притомъ же, если мы будемъ оставаться равнодушными, то зараза возникающая изъ того, что есть гниlostнаго въ католичествѣ и протестанствѣ, будетъ разслаблять и насъ самихъ. Нынѣшнее безвѣріе, на которое такъ много жалуются, развѣ не есть послѣдовательный продуктъ нездоровыхъ испареній отъ язвъ на огромномъ тѣлѣ католичества и разметанныхъ еле живыхъ тѣлахъ протестантства? Къ чему прицѣпится и что найдетъ неразумнаго или фальшиваго философскій анализирующій умъ въ православіи, когда въ немъ все неподражасмо-разумно и свято, когда оно точно блистающій шаръ, идеально-правильный, вполне законченный и неуязвимо-крѣпкій? А между тѣмъ нынѣ провозглашаютъ на Западѣ конецъ христіанству: «оно отжило свой вѣкъ!» Что тамъ подъ именемъ христіанства разумѣютъ католичество и протестантство, и что прицѣпившись къ тому, что въ нихъ неразумнаго и фальшиваго, разбиваютъ ихъ и поютъ имъ вѣчную память, нужно ли удивляться? Невзгоды католичества и протестанства, законно постигающія ихъ, въ сущности истиннаго христіанства вовсе не касаются. Развѣ западная философія родилась и выросла на почвѣ православія? И развѣ съ православіемъ она имѣетъ дѣло? Придетъ время, философія возникнетъ и разовьется среди православнаго міра, при пониманіи, насколько дано человѣку, богооткровенной вѣры вполне, а не въ отрывкахъ, тогда она, безъ сомнѣнія, будетъ такою же послушною рабою религіи, какою была у Іустиновъ, Аѣинагоровъ, Василіевъ. А что нынѣ дочь инославныхъ ученій добываетъ одряхлѣвшихъ, оказавшихся не состоятельными предъ нею, своихъ родителей, это значитъ только что здравый смыслъ стряхиваетъ съ себя надобныя ему оковы католическаго гнета, или отдаетъ достойное жалкой разнузданности протестантства. Но грѣхъ и вредъ для

самихъ себя намъ сидѣть при этомъ сложа руки и ждать пока философія добьетъ въ конецъ свои жертвы. Если мы не поспѣшимъ на помощь философскимъ умамъ Запада и не предложимъ имъ вмѣсто ниспровергаемыхъ ими заблужденій, истиннаго Христова ученія, то тамъ вполне сформируется и приметъ ужасающіе размѣры новый языческій культъ естественнаго разума и вмѣстѣ всѣхъ оскототворенныхъ страстей. Съ воздвигнутыхъ уже во множествѣ алтарей этого культа не тянется ли и къ намъ угарный чадъ и не одуряетъ ли и множество ни въ чемъ неповинныхъ головъ? И если у насъ все будетъ продолжаться затишье, то чаду найдетъ еще больше, и еще больше погибнетъ, по нашему нерадѣнію, людей. Поэтому то намъ нужна живая дѣятельность, отъ которой бы дохнуло живымъ, освѣжающимъ вѣтромъ не только у насъ, но и на Западѣ,—дѣятельность прямо направленная противъ самыхъ причинъ безвѣрія—извращенія Божественной истины въ католичество и протестантствѣ. Мы довольно усердно стараемся рубить головы гидры, и въ этомъ помогаютъ намъ сами католики и протестанты: у насъ не мало превосходныхъ сочиненій, большею частью переводныхъ, по новѣйшей христіанской апологетикѣ противъ безвѣрія; а дѣльныхъ сочиненій противъ католичества и протестантства нѣтъ. И безвѣріе продолжаетъ расти какъ на Западѣ, такъ и у насъ, и будетъ расти до тѣхъ поръ, пока мы не озаботимся вырвать корень безвѣрія; а это невозможно, если мы не выдѣлимъ изъ своей среды людей, даже не составимъ общества со специальною задачею борьбы устнымъ и письменнымъ словомъ съ католичествомъ и протестанствомъ,—борьбы конечно исключяющей и мысль о какихъ-либо пріемахъ несвойственныхъ истинной христіанской любви, но тѣмъ не менѣе горячей какъ сама любовь, потому что изъ-за христіанской любви она и будетъ ведена. Дай Богъ чтобъ это состоялось поскорѣй!

Теперь же да позволено мнѣ будетъ повергнуть предъ вами, богомудрые архипастыри и отцы, глубокую благодарность отъ лица миссіи и всей Японской церкви за все, что сдѣлано и дѣлается вашимъ святѣйшествомъ для Японіи. Позвольте въ лицѣ вашемъ выразить признательность и ко всѣмъ сынамъ и дочерямъ Русской церкви, оказавшимъ и оказывающимъ свое сочувствіе и содѣйствіе миссіи. Да не оскудѣетъ и отнынѣ къ намъ, японскимъ миссіонерамъ, любовь дорогой нашей матери—Русской церкви! И да хранить и невидимо оберегаетъ она насъ на далекой чужбинѣ своими теплыми молитвами, чтобы намъ, удостоеннымъ высокой чести быть представителями и проповѣдниками ея ученія среди язычниковъ, исполнять наше служеніе во славу ея и Божию! По молитвенному же предстательству Матери нашей, намъ поможетъ Отецъ нашъ Небесный!

Докладъ секретаря Петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія А. А. Кирѣева, читанный въ засѣданіи общества 23-го Марта 1880 года, о поѣздкѣ доктора Овербека въ Царьградъ въ 1879 году.

Лѣтъ десять тому назадъ, докторомъ Овербекомъ былъ представленъ Св. Синоду проектъ православной литургіи «западнаго обряда», предназначаемой (первоначально) для православной общины, которая уже въ то время образовывалась въ Англии. Одобреніе этой литургіи Св. Синодомъ должно было служить первымъ шагомъ къ *возстановленію*, на *Западъ* Европы, *православія*, отличающагося отъ православія восточнаго лишь своимъ *обрядомъ*, при полнѣйшемъ однако *догматическомъ тождествѣ* съ онымъ.

Св. Синодъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ столь благимъ и серьезнымъ начинаніямъ доктора Овербека; коммиссія, назначенная имъ *ad hoc*, рассмотрѣвъ представленный Св.

Синоду проектъ, и сдѣлавъ въ ономъ нѣкоторыя измѣненія, внесла его съ своими заключеніями на благоусмотрѣніе Св. Синода, который и одобрилъ его въ его новомъ, нѣсколько измѣненномъ видѣ. Не считая себя, однако, въ правѣ рѣшать столь важный вопросъ, не снесшись предварительно съ православными патріархами и не получивъ ихъ одобренія, Св. Синодъ переслалъ дѣло о западно-православной литургіи въ Константинополь, къ вселенскому патріарху, съ просьбою высказать свое мнѣніе о начинаніяхъ доктора Овербека.

Съ того времени прошло уже не мало лѣтъ, но отвѣта не получалось.

Въ минувшемъ году докторъ Овербекъ, желая выяснить положеніе, въ которомъ находится дѣло это, столь близкое его сердцу, и изслѣдовать его на мѣстѣ, въ патріархіи, обратился къ обществу любителей духовнаго просвѣщенія, прося его дать ему необходимыя матеріальныя средства для поѣздки въ Царьградъ; средства эти были ему даны и докторъ Овербекъ могъ привести свое желаніе въ исполненіе.

Вотъ извлеченія изъ его весьма объемистаго отчета, представленнаго обществу.

«23-го іюня, говоритъ докторъ Овербекъ, выѣхалъ я изъ Лондона и прибылъ 1-го августа въ Аѳины. Въ продолженіи семи дней, проведенныхъ мною въ столицѣ Греческаго Королевства, я имѣлъ постоянныя конференціи съ докторомъ Дамаласомъ, наиболѣе выдающимся богословомъ тамошняго университета *); онъ нашелъ мои мысли (о возстановленіи православія на Западѣ)—вполнѣ правильными и исполнимыми, и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ вселенскому патріарху. Тотъ же профессоръ Дамаласъ представилъ меня и аѳинскому митрополиту, съ которымъ я имѣлъ полтора-часовой разговоръ,

*) Это тотъ самый профессоръ Дамаласъ, который былъ посланъ представителемъ аѳинскаго университета, на банскую конференцію, къ старо-католикамъ.

и который тоже вполне одобрил мои мысли и начинания и пожелал мне дальнейшего успеха.

«Прибывъ въ Царьградъ, я успѣшилъ отправиться къ патриарху. Его святѣйшество совѣщался въ это время съ своимъ синодомъ, тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ пригласить меня въ покой, гдѣ происходило засѣданіе, и тутъ же представилъ меня собраннымъ іерархамъ, въ числѣ коихъ находился и знакомый мнѣ Филофей Вриенній *), бывший однимъ изъ представителей патриархива на старо-католическомъ конгрессѣ въ Боннѣ.

Патриархъ Іоакимъ, находившійся въ продолженіи 5 лѣтъ въ Германіи, привѣтствовалъ меня на нѣмецкомъ языкѣ (которымъ онъ вполне владѣеть), и посадивъ около себя — приказалъ продолжать засѣданіе.

«Его святѣйшеству 47 лѣтъ, онъ высокаго роста, величественнаго вида и съ перваго взгляда — внушаетъ довѣріе, не смотря на нѣкоторую торжественность въ обращеніи. Во всемъ существѣ его — выражается полное сознаніе его высокаго сана. Онъ откровененъ и прямъ, хотя остороженъ въ своихъ рѣчахъ и говорить очень обдуманно. Апостольская бѣдность, самая простая пища, трудная, непрерывная работа — вотъ условія его тяжелой жизни, за которую я могъ слѣдить во все время моего пребыванія въ Царьградѣ, такъ какъ, согласно милостивому приглашенію его святѣйшества, я былъ постояннымъ его гостемъ. Помѣщеніе для меня было отведено вблизи покоевъ, занимаемыхъ протосинкелломъ — Анасіемъ Мегакломъ. Протосинкелль — первое лицо послѣ патриарха, еще очень молодой человекъ (ему всего 32 года). Онъ простъ, доступенъ и добродушно-привѣтливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень прозорливъ.

«Вскорѣ послѣ моего прибытія, я познакомился и сблизился

*) Вриенній сообщилъ мнѣ, что онъ занимается изданіемъ сочиненія, въ которомъ затрогиваются и нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, воихъ рѣшеніе можетъ повліять и на задуманное мною дѣло. Если не ошибаюсь, въ этомъ сочиненіи приводятся доводы въ пользу русскаго обряда св. крещенія.

зился съ архимандритомъ Германомъ Григорасомъ, директоромъ богословскаго факультета на островѣ Халки, человѣкомъ замѣчательнаго ума; онъ вполне сочувствуетъ моей мысли возстановленія православія на Западѣ и вполне понимаетъ ея значеніе; правильность ея не можетъ, по его словамъ, подлежать сомнѣнію послѣ того, какъ за нее высказался еще патріархъ Іеремія III.

«13-го августа патріархъ высказалъ желаніе, чтобы я подалъ въ патріархію прошеніе съ опредѣленнымъ и подробнымъ изложеніемъ моихъ желаній. Я конечно поспѣшилъ исполнить волю его святѣйшества и представилъ ему прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о согласіи патріархіи на возстановленіе православной западной церкви и одобреніи представленнаго мною проекта литургіи; а равно и о признаніи моего священства.

«Я не сомнѣвался въ благопріятномъ отвѣтѣ на первые два пункта моего прошенія, въ виду отвѣта даннаго еще патріархомъ Іеремією на ходатайство, поданное ему шотландскими Non-juror'ами; еще менѣе сомнѣвался я въ благопріятномъ отвѣтѣ на третій пунктъ, хотя и зналъ, что вступленіе мое въ бракъ *неправильно*; но я былъ увѣренъ, что законность моего рукоположенія въ священники римско-католическимъ епископомъ не могла подвергаться сомнѣнію, точно также не могла подвергаться сомнѣнію и законность моего крещенія.

«16-го числа подалъ я мое прошеніе, а 18-го оно подверглось обсужденію синода. Подробности засѣданія мнѣ не извѣстны, но мнѣ было сообщено, что для окончательныхъ со мною переговоровъ была избрана специальная коммиссія. Коммиссія эта, состоявшая изъ четырехъ лицъ, вызвала меня и задала мнѣ нѣсколько вопросовъ, которые сначала показались мнѣ не совершенно ясными; вскорѣ однако, изъ дальнѣйшихъ разговоровъ, я къ немалому своему удивленію понялъ, что греческая церковь (константинопольская) не признаетъ закон-

ности таинствъ, совершенныхъ церковью римско-католическою, считал вопросъ этотъ, и до сего времени, еще открытымъ. Въ признаніи законности моего священства коммиссія мнѣ отказала, не на томъ основаніи, что я вступилъ въ бракъ послѣ моего рукоположенія, а на томъ, что и самое это рукоположеніе считается *недѣйствительнымъ*. Кромѣ того, въ коммиссіи мнѣ сказали, что ежели бы синодъ патріархіи и рѣшилъ дѣло въ мою пользу, патріархъ все таки ничего не могъ бы сдѣлать за неимѣніемъ въ виду русскихъ “вѣрительныхъ грамотъ.” *).

“Повидимому всѣ жалѣли о печальномъ и неожиданномъ для меня исходѣ моихъ ходатайствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ начали уговаривать меня согласиться на новое рукоположеніе; я отвѣчалъ на это—рѣшительнымъ отказомъ, объясняя, что рукоположеніе римской церкви совершенно законно и дѣйствительно, и что, по моему крайнему убѣжденію, вторичное рукоположеніе было бы въ моихъ глазахъ положительнымъ святотатствомъ.

“Рѣшительность моего отказа произвела повидимому впечатлѣніе на многихъ духовныхъ лицъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать; большинство греческихъ іерарховъ вполне ясно видятъ необходимость рѣшить важный, въ особенности въ практическомъ отношеніи, вопросъ о законности (или незаконности) обрядовъ римско-католической церкви, и разъ навсегда положить конецъ обрядовой разности, существующей въ этомъ отношеніи между русскою и греческою церквами. Архимандритъ Вафидисъ, говоря именно въ этомъ смыслѣ, спросилъ меня, почему *русская Церковь* не примѣнила ко мнѣ правила *экономіи* и не допустила меня до исполненія моихъ священ-

*) Тутъ есть очевидное недоразумѣніе, такъ какъ при представленіи дѣла Овербека вселенскому патріарху въ его святѣйшеству были пересланы изъ Петербурга всѣ необходимыя дополнительныя свѣдѣнія и документы.

ническихъ обязанностей? Я отвѣтилъ ему, что это мнѣ не извѣстно, но что вѣроятно она не желаетъ взять на свою отвѣтственность рѣшенія такого важнаго вопроса, не освѣдомившись предварительно, какъ на это посмотрятъ патріархіи. „Вы ошибаетесь“, возразилъ мнѣ Вафидись, „россійскій Синодъ могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ совершенно самостоятельно, такъ какъ въ греческой церкви существуетъ правило признавать фактическія рѣшенія, принимаемыя россійскою Церковью“. Не знаю насколько вѣрно то, что говорилъ Вафидись, но еслибы онъ дѣйствительно былъ правъ, то въ указанномъ имъ пути—заклучался бы исходъ всѣхъ затрудненій, съ которыми намъ приходится бороться, ибо я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться на вторичное мое посвященіе. Много лѣтъ тому назадъ, я спрашивалъ мнѣніе митрополита московскаго Филарета по этому вопросу и получилъ въ отвѣтъ, что вообще я не имѣю права священнодѣйствовать, но что, при извѣстныхъ условіяхъ, ко мнѣ могла бы быть примѣнена снисходительность (*Condescendenz*). Въ патріархіи очень хорошо понимаютъ всю важность этого вопроса, ибо всевозможныя старанія основать на Западѣ православную Церковь не приведутъ ни къ чему, если не будетъ подъ рукою чловѣка, могущаго немедленно приступить къ исполненію священническихъ обязанностей въ возстановленной западно-православной Церкви. (Это соображеніе, *и только оно*, и побуждаетъ меня заботиться о дарованіи мнѣ права священнодѣйствовать!).

„Въ понедѣльникъ, 20-го августа, синодъ патріархіи разсмотрѣлъ третій пунктъ моего прошенія и согласно мнѣнію комиссіи отклонилъ его окончательно.

„На слѣдующій день я объяснялъ вселенскому патріарху всю безвыходность нашего положенія и просилъ его по крайней мѣрѣ дозволить мнѣ говорить проповѣди въ моёмъ собственномъ домѣ, съ условіемъ, однако, чтобы я могъ сообщить

моимъ слушателямъ, что это совершается съ вѣдома и одобренія его святѣйшества. Патриархъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ объ этомъ подумаетъ.

„Въ среду онъ сказалъ мнѣ, во первыхъ, что онъ даетъ мнѣ разрѣшеніе на мои частныя проповѣди, во-вторыхъ, что вопросъ объ основаніи на Западѣ православной Церкви будетъ имъ подвергнутъ всестороннему обсужденію, въ-третьихъ, что онъ точно такъ-же серьезно отнесется и къ вопросу о западной литургіи, проектъ которой былъ уже разсмотрѣнъ и одобренъ россійскимъ Синодомъ. Патриархъ прибавилъ, что о всѣхъ рѣшеніяхъ его я буду извѣщенъ чрезъ посредство архимандрита Иеронима Миріантея, греческаго священника въ Лондонѣ“.

Въ концѣ своего отчета докторъ Овербекъ высказываетъ слѣдующія соображенія, заслуживающія тѣмъ болѣе вниманія, что они подкрѣпляются наблюденіями, сдѣланными на мѣстѣ, и притомъ въ средѣ людей вполне авторитетныхъ и могущихъ имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы православной Церкви.

О прискорбныхъ недоразумѣніяхъ, существующихъ нынѣ между патриархіею и россійскимъ Синодомъ по поводу такъ называемой „болгарской схизмы“, докторъ Овербекъ сообщаетъ слѣдующее:

„Патриархія не оспариваетъ, въ основаніи, правъ національной болгарской церкви на независимое существованіе, въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся и другія мѣстныя (topische) православныя церкви напр. россійская, румынская, церковь греческаго королевства и др. Ежели бы, продолжаетъ докторъ Овербекъ, со словъ греческихъ іерарховъ, съ которыми ему приходилось говорить объ этомъ предметѣ, болгарская церковь пожелала ограничиться именно такимъ положеніемъ, никто бы конечно и не подумалъ оспаривать у нея законности ея требованій, но повидимому болгаре такими правами довольствоваться не хотятъ; по мнѣнію греческихъ іерарховъ, они желаютъ большаго, они желаютъ вве-

сти въ отношенія болгарскаго народа къ патріархіи—принципъ такъ называемаго *φιλεισμοῦ* народности, согласно которому всякій болгаринъ, гдѣ бы онъ ни находился, вмѣсто подчиненія *мѣстному* епископу становится подъ юрисдикцію своего собственнаго болгарскаго экзарха; такимъ образомъ въ одномъ и томъ-же городѣ было бы два православныхъ епископа, что конечно-противно канонамъ. По мнѣнію собесѣдниковъ доктора Овербека, болгарскій священникъ, живущій напр. въ Царьградѣ, не долженъ подчиняться никому иному какъ только вселенскому патріарху, точно такъ же какъ напр. греческій священникъ, живущій въ Петербургѣ, находится нынѣ въ подчиненіи у петербургскаго митрополита.

„Схизма“ явленіе тѣмъ болѣе прискорбное, что Римъ*) легко можетъ ею воспользоваться и ловить въ мутной водѣ рыбу. Для Рима тѣмъ легче будетъ устроить сильную и опасную для православія пропаганду, что онъ теперь можетъ дѣйствовать подъ покровомъ австрійскаго правительства, которое весьма умно и разчетливо обставило римскую іерархію всѣми условіями успѣшной борьбы съ православіемъ въ недавнихъ своихъ пріобрѣтеніяхъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Борьба между болгарами и Константинополемъ можетъ легко повести первыхъ даже къ прямому сближенію съ Римомъ! Что касается Россіи, продолжаетъ докторъ Овербекъ, то она много выиграла въ глазахъ грековъ велѣдствіе того, что столь осторожно отнеслась къ послѣднему болгарскому посольству, которое было, правда, принято Россіею въ высшей степени радушно *въ смыслъ посольства политическаго*, но коего духовныя лица не имѣли случая участвовать въ сослуженіи съ російскими іерархами.

Возстановленіе добрыхъ отношеній между патріархіею и російскимъ Синодомъ докторъ Овербекъ считалъ не только въ

*) Издавна смотрящій завистливымъ окомъ на Болгарію.

вышей степени желательнымъ, но и, на основаніи совершенно достовѣрныхъ данныхъ, весьма возможнымъ. „Возстановленіе дружбы между ними, говоритъ Овербекъ, было бы благодеяніемъ для *обѣихъ* церквей, и безъ сомнѣнія возвысило бы вліяніе православія на всемъ свѣтѣ. Недоразумѣнія произошли отъ того, что къ вопросамъ чисто церковнымъ примѣшались соображенія политическія. Но, продолжаетъ онъ, эти недоразумѣнія легко устранимы; я явился въ Константинополь, какъ открытый другъ Россіи и русской Церкви и не разъ имѣлъ случай заявлять объ этомъ въ моихъ разговорахъ съ патріархомъ, тѣмъ не менѣе рѣшительно всё относилось ко мнѣ съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ“.

„Греки, говоритъ докторъ Овербекъ, начинаютъ понимать (можетъ быть не безъ нѣкотораго прискорбія), что хотя *номинальное* предводительство въ православной Церкви принадлежитъ имъ,—*фактическое* преобладаніе перешло уже къ славянамъ, (т. е. къ русскимъ, около которыхъ группируются остальные славяне). Греки видятъ, т.-сказ. что центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ переходитъ на сѣверъ, къ Россіи, за которой оказывается преимущество не только въ болѣе значительномъ числѣ ея дѣтей, но, по мнѣнію доктора Овербека, иногда и въ болѣе правильномъ взглядѣ и на нѣкоторые догматическіе вопросы. Правда, многіе греческіе іерархи, получившіе образованіе за границею, возвращаются на родину съ немалымъ запасомъ руссофобіи, но за то всё тѣ, знакомые мнѣ, греки, которые окончили свое образованіе въ Россіи, вообще очень дружественно расположены къ ней. Было бы крайне желательно, чтобы Россія привлекала къ себѣ молодыхъ греческихъ богослововъ и кандидатовъ богословія и давала бы имъ возможность оканчивать свое образованіе въ русскихъ духовныхъ академіяхъ, вмѣстѣ иностранныхъ университетовъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ неспоримымъ научнымъ развитіемъ, получаютъ иногда и нѣкоторый гетеродоксальный колоритъ!

«Сближеніе между обѣими церквами должно бы исходить

отъ Россіи, какъ отъ стороны болѣе сильной. Желаніе такого сближенія, заявленное со стороны російской Церкви (по крайней мѣрѣ въ лицѣ болѣе значительныхъ ея представителей), было бы безъ сомнѣнія встрѣчено греками съ полнѣйшимъ сочувствіемъ; русскимъ было бы легко пріобрѣсти расположеніе и любовь своихъ меньшихъ братьевъ, какъ умѣренностію и скромностію своихъ желаній, такъ и снисходительностію къ традиціоннымъ идеямъ грековъ о первенствѣ Византіи».

ВЪЗНУДЕНІА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

ИЛИ

„СВѢТЬ ВЪ КАРТИЦАХЪ“

Иллюстрированный журналъ для всѣхъ.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, юмористическіе очерки и картинки, историческіе, біографическіе и бытовые очерки, общедоступныя бесѣды о наукахъ, искусствахъ, литературѣ, отчеты о главнѣйшихъ процессахъ, мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты и карикатуры.

Выдаваемые олеографическія преміи не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ половину натуральной величины. Съ пересылкою и упаковкою 90 коп. Европейская красавица и Восточная красавица. Пересылка каждой 75 коп.

Всѣ преміи высылаются немедленно по полученіи требованія.

Вместо любой из премій, гг. подписчики могут получить большой ландшафтъ.

Годовая цѣна изданія 3 р. 60 к. съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на Александровскомъ бульварѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВТОРОЕ дополнительное и исправленное ИЗДАНИЕ книги.

„ДИФТЕРИТЪ И МѢРЫ ПРОТИВЪ НЕГО“

Общедоступное изложеніе А. А. Липскаго, подъ редакціей профессора медикохирургической академіи Ю. Т. Чудновскаго.

Въ виду развивающагося повсюду дифтерита, книга эта должна быть настольною въ каждомъ семействѣ.

Съ требованіями обращаться можно въ г. Воронежъ къ А. О. Липскому, Тычковская ул. соб. домъ, во всѣ книжные магазины и въ контору редакціи „Воронежскаго Телеграфа.“
Цѣна безъ пересылки 20 к. съ пересылкою 25.

Выписывая отъ А. О. Липскаго, деньги можно прилагать почтовыми марками.

Отъ А. О. Липскаго изъ Воронежа можно выписывать и

НАБОРЫ

инструментовъ и лекарствъ, необходимыхъ при домашнемъ леченіи больныхъ *дифтеритомъ*. Наборы составлены въ главной россійской американской мануфактурѣ Константина Мальмъ (въ С-Петербурѣ).

Ящикъ набора содержитъ въ себѣ:

Пульверизаторъ съ однимъ резиновымъ шаромъ;
резиновая трубка для клистирной воронки съ двумя *наконечниками, костяными.*

Сотривающий компрессъ для ребенка изъ куска тонкой фланели и куска тонкой американской *макинтошъ*, четыре *корпійныя кисточки* съ деревянными лакированными ручками.

Растворъ *полторохлористаго жельза* въ стеклянкѣ,
Вертолетовой соли, одинъ унць и *буры*, одинъ унць.

Цѣна ящичку безъ пересылки 2 р. 20 к. съ пересылкою 2 р. 50 к. № В. Объ употребленіи при леченіи находящихся въ наборѣ *снарядовъ* и *лекаретвъ* подробныя указанія въ брошюрѣ *Липскаго*.

СОДЕРЖАНІЕ:

Слово на день рожденія Государя Императора.—Рѣчь Святѣйшему Синоду.—Докладъ секретаря Петербургскаго отдѣленія Люб. д. просвѣщенія.—Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Димитрій Пьоничскій*.

СЛАВЯНИНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ,

какъ реформаторъ Европейской школы.

„Великая Дидактика“

Русскій переводъ 1878 года.

§ 7. Идея общечеловѣческаго образованія имѣеть то великое практическое значеніе, что школа, основанная на этой идеѣ, какъ мастерская истинной человѣчности, должна стать достояніемъ для всѣхъ, должна быть *обще-образовательнымъ учрежденіемъ*, необходимымъ для всѣхъ. Если школа есть мастерская человѣчности, если ея истинное назначеніе образовать и воспитать истиннаго человѣка, или выражаясь словами Руссо человѣка *человѣческаго*, то само собою слѣдуетъ отсюда, что воспитаніе и образованіе должно быть не только естественнымъ *правомъ* всѣхъ, но и *долгомъ* всеобщимъ. Въ отношеніи къ праву и долгу воспитанія, какъ въ отношеніи къ правамъ и обязанностямъ блага даннаго возрожденія не можетъ быть различія, выражаясь словомъ Апостола-учителя народовъ, между иудеемъ и эллиномъ, между рабомъ и свободнымъ, между мужчиною и женщиною. Школа докоменская, какъ мы замѣтили, была школою привеллигированныхъ. Школа Коменскаго есть школа всѣхъ, какъ общенародное учрежденіе. Гораздо ранѣ Шлейермахера, провозглашавшаго всеобщность школы, будто какъ *новую* истину, славянинъ Коменскій пишетъ: не только дѣти богатыхъ и знатныхъ лицъ, но одинаково дѣти знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мальчики и дѣвочки—всѣ безъ всякаго исключенія должны быть образуемы въ школахъ. И не только высказалъ это положеніе, но и возвелъ его, съ свойственною ему идеальною возможностью возрѣнія, къ основному педагогическому принципу, или идеѣ о человѣческомъ достоинствѣ и назначеніи. „Кто родился человѣкомъ, тотъ родился для той же главной цѣли—*быть* *человѣкомъ*. Но воспитаніе и образованіе есть такое назначеніе и право человѣка, подъ условіемъ котораго только и возможно истинно человѣческое существованіе и усовершенствованіе. Всѣ люди созданы быть разумными созданіями, подобіемъ Божіимъ. И такъ всѣ должны стремиться къ тому, чтобы получить правильное образованіе въ наукѣ,

добродѣтели и религіи, могли съ пользою провести жизнь настоящую и приготовиться къ будущей. Предъ Богомъ всѣ равны. Поэтому, если мы станемъ допускать къ развитію ума только нѣкоторыхъ, а другихъ отстранять, то будемъ не справедливы не только къ соучастникамъ нашей общей природы, но и къ самому Богу, Который хочетъ быть познаваемъ, любимъ и почитаемъ всѣми, на комъ Онъ напечатлѣлъ свой образъ. Школа должна быть подобна солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю, дабы все, что можетъ жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, все бы жило, зеленѣло, цвѣло и плодоносило. Коменскій съ особенною настойчивостію, въ которой современное общество можетъ быть менѣе нуждается, доказываетъ основной педагогическій поступокъ, что всякое человѣческое существо есть существо воспитывающееся, могущее и долженствующее быть воспитываемымъ. Тотъ фактъ, говоритъ онъ, что нѣкоторыя дѣти отъ природы являются бездарными и тупыми, не можетъ служить этому препятствіемъ, ибо общее образованіе ума направлено именно къ устраненію тупости и исправленію этого недостатка. Нельзя и найти столь несчастныя способности, чтобы образованіе рѣшительно не привело ихъ ни къ какому улучшенію. Изъ опыта же извѣстно, что когда люди, отъ природы вялой воспріимчивости, обращались къ наукамъ, то настолько успѣвали, что превосходили и талантливыхъ. Неутомимый трудъ все превозмогаетъ. Многіе, рано развиваясь, скоро истощаются и впадаютъ въ тупоуміе, между тѣмъ какъ другіе сначала являются туповатыми, затѣмъощряются и достигаютъ прочнаго развитія. Въ садахъ мы любимъ: не только такія деревья, которыя приносятъ ранніе плоды, но и такія, которыя созрѣваютъ въ позднюю пору. Почему же въ научномъ саду будемъ насаждать мы дарованія—только скороспѣлыя? Никто да не устраняется отъ школы! „Что же будетъ, если всѣ станутъ учеными?“ Будетъ то, отвѣчаетъ великій педагогъ, что если правильно будетъ введено это всеобщее образованіе юношества, то никто не будетъ имѣть недостатка въ предметахъ для разумнаго размышленія, выбора, соревнованія и труда. И среди трудовъ и тягостей всѣ будутъ успокоивать себя созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ и устранять праздность, опасную для плоти и крови чтеніемъ Библии и другихъ хорошихъ книгъ и т. обр. пріятнѣе проводить эту жизнь, полную невзгодъ, и съ желаніемъ и вѣрною надеждою взирать на будущую. Не можемъ не указать при этомъ, что нашъ удивительный педагогъ за двѣсти лѣтъ ясно сознавалъ и настойчиво защищалъ необходимость жен-

скаго образованія, наравнѣ съ мужскимъ. Не можетъ быть приведено, говоритъ Коменскій, достаточныхъ основаній, чтобы устранить женскій полъ (на чемъ я въ особенности останавливаю вниманіе) отъ изученія мудрости. Ибо женщины, какъ и мужчины, созданы по образу и подобию Божію, одинаково одарены живымъ и воспріимчивымъ для мудрости умомъ а (что даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ), одинаково открытъ имъ доступъ къ высокимъ призваніямъ, такъ какъ и самъ Богъ часто избиралъ женщинъ для управленія народовъ, для служенія врачебному искусству и другихъ полезныхъ челоувѣч. роду дѣлъ. Зачѣмъ же устранять ихъ отъ солиднаго образованія? Боимся ли мы ихъ легкомыслія? Но чѣмъ болѣе мы предаемся размышленію, тѣмъ меньше мѣста для легкомыслія, которое обыкновенно является отъ пустоты духа? Не кажется ли, что эти слова только вчера сказаны, по поводу современнаго вопроса о женскомъ образованіи. Такъ славянскій геній предвосхитилъ идею, которую напрасно приписываютъ нашему вѣку современные защитники женскаго образованія. Впрочемъ, славянскій педагогъ совѣтуетъ не всякую книжную дребедень предлагать женщинамъ, равно какъ и юношеству другаго пола, чего до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не избѣгали болѣе предусмотрительно,—но давать такія книги, изъ которыхъ они могли бы всегда черпать вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ Бога и его твореній—также истинную добродѣтель и благочестіе. Мы совѣтуемъ, говоритъ далѣе Коменскій, обучить женщинъ (какъ и мужчинъ) не для удовлетворенія пустаго любопытства, но для добродѣтели и общей пользы. Это въ особенности имъ необходимо знать и умѣть, а затѣмъ знать и то, что относится къ разумному веденію хозяйства и къ содѣйствію благосостоянія семьи... (гл. XI).

§ 8. Провозглашая съ особенною настойчивостію идею всеобщности школы и общаго образованія, Коменскій глубоко понимаетъ значеніе различія индивидуальныхъ особенностей въ природныхъ способностяхъ дѣтей и согласно съ этимъ—необходимость индивидуализаціи воспитательныхъ способовъ въ дѣлѣ образованія, которая не отрицаетъ всеобщности воспитательнаго принципа, но предоставляетъ важнѣйшее педагогическое средство къ осуществленію этаго принципа. Если различны природныя качества травъ, деревьевъ, животныхъ, и одно требуетъ одного обращенія, другое другаго, и не все въ равной мѣрѣ допускаетъ одинаковое употребленіе; то тоже самое, говоритъ Коменскій, относится и къ природнымъ способностямъ людей. Хотя и нѣтъ недостатка въ счастливыхъ талантахъ, способныхъ во все проник-

нуть; но нѣтъ также недостатка и въ такихъ, которые въ извѣстныхъ предметахъ до изумленія слабы и тяжелы въ понятіяхъ. Иной—орелъ для умозрительныхъ наукъ, для практическихъ же занятій пригоденъ столько же сколько осель на лютнѣ. Другой способенъ ко всѣмъ вещамъ, но только не къ музыкѣ, что въ другихъ опять встрѣчается въ приложеніи къ математикѣ, къ поэзи и т. д. Что тутъ дѣлать? *Хотѣть направлять природу туда, куда она сама не влечется, значитъ хотѣть спорить съ ней, и составляетъ дѣло бесполезныхъ усилій.* Такъ какъ учитель есть служитель природы, а не ея господинъ, ея ваятель, ея преобразователь, то пусть не принуждаетъ онъ насильственно, когда видитъ, что кто нибудь изъ учениковъ принимается за что либо безъ всякой къ тому способности. *И если бы ни одного ученика не принуждали ни къ чему противъ его воли, то не существовало бы ничего, что возбуждало бы въ комъ нибудь отвращеніе и притупляло духовныя силы.* Безпрепятственно пусть каждый приступаетъ къ тому, къ чему, по волѣ небснаго Провидѣнія, влечетъ его сокровенно естественное стремленіе и современемъ, будучи на своемъ мѣстѣ, онъ съ большею пользою послужитъ Богу и человѣчеству. Такъ разумно и основательно устанавливаетъ великій педагогъ требованіе соображать ходъ и приемы образованія съ личностію ученика т. е. со степенью его восприимчивости, съ его силами, характеромъ и природными склонностями, согласуя и основывая это требованіе на основномъ началѣ воспитанія, сообразнаго съ природою, въ которой въ свою очередь выражается воля Небснаго Провидѣнія о призваніи человѣка! Коменскій однакожь не ограничивается только теоретическимъ установленіемъ индивидуализаціи обученія и воспитанія, но и даетъ практическіе совѣты въ приложеніи этаго начала къ различнымъ природнымъ дарованіямъ и особенностямъ учениковъ.— Указанія его въ рѣшеніи этой труднѣйшей и донинѣ педагогической проблемы, не смотря на краткость ихъ, достойны особеннаго вниманія. „Однѣ натуры, пишетъ онъ, бываютъ *остры*, другія—*тупы*, третьи *мягки и податливы*, четвертыя *упрямы* и непокорны, тогда какъ еще инныя сами по себѣ *стремятся къ наукамъ*, или находятъ болѣе удовольствія въ механическихъ занятіяхъ. Изъ этаго различія индивидуальныхъ природныхъ способностей—возникаетъ необходимость *различія въ способахъ* обращенія съ природными особенностями юношества. Во первыхъ, что касается натуръ съ острымъ умомъ, любознательныхъ, способныхъ къ образованію и сравнительно съ другими болѣе склон-

ныхъ къ занятіямъ науками, то имъ нужно только предлагать пищу мудрости, развиваются же онѣ подобно благороднымъ растеніямъ. Но надобно предусмотрительно не дозволять имъ слишкомъ торопиться, дабы чрезъ то раньше времени имъ не ослабѣть и не истощиться. Во вторыхъ, натуры остроумныя, но медленныя, хотя и послушныя, нуждаются въ поощреніи. Въ третьихъ, натуры даровитыя, но при этомъ дерзкія и непокорныя, которыхъ обыкновенно въ школахъ считаютъ „отпѣтыми,“ даютъ великихъ людей, если только съ ними обращаются надлежащимъ образомъ. Примѣръ представляетъ собою великій Фемистокль, который самъ выразился о себѣ, когда удивлялись перемѣнѣ его непокорнаго въ юности нрава: „дикіе жеребцы бываютъ лучшими конями, если съ ними поступаютъ надлежащимъ образомъ.“ Коменскій приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о Буцефалѣ Александра великаго. Когда Филиппъ призналъ негоднымъ этаго дикаго коня, Александръ сказалъ: какую прекрасную лошадь портятъ люди, не умѣющіе владѣть ею по своей неловкости! И принявшись за нее съ удивительнымъ искусствомъ, безъ побоевъ—онъ приобрѣлъ надъ нею полную власть и потомъ въ цѣломъ свѣтѣ едва ли можно было отыскать другую болѣе благородную лошадь, достойную столь великаго героя. Передавая этотъ рассказъ, Коменскій приводитъ весьма поучительное замѣчаніе Плутарха, который по поводу этаго разсказа пишетъ: „эта лошадь приходитъ намъ на память, что много хорошихъ одаренныхъ головъ пропадаетъ отъ ошибокъ воспитателей, которые коней обращаютъ въ ословъ, не умѣя управлять свободными и сознающими свое достоинство людьми. Въ четвертыхъ, послушныя и въ тоже время любознательныя натуры, но медленныя и туповатыя, хотя позднѣе достигаютъ своей цѣли, за то прочнѣе держатся на ней, какъ это бываетъ съ поздними плодами. И какъ печать труднѣе оттискивается на свинцѣ, чѣмъ на воскѣ, но за то и крѣпче держится, такъ люди подобнаго рода нерѣдко обладаютъ большею крѣпостію способностей удерживать то, что они однажды усвоили, чѣмъ талантливыя. Поэтому замѣчаетъ Коменскій, исключать ихъ изъ школы неслѣдуетъ, и въ отношеніи обращенія съ такими натурами указываетъ истинно-педагогическій способъ, состоящій въ томъ, чтобы не обременяя ихъ чрезмѣрно тяжестью, избѣгая рѣзкихъ порицаній, но относясь къ нимъ доброжелательно, ободряя и вселяя въ нихъ мужество, умѣть возбуждать ихъ силы, помогать имъ, выражаясь языкомъ Сократа, посредствомъ духовнаго акушерства, въ ихъ болѣзненныхъ и тяжелыхъ умственныхъ ро-

дахъ и съ любовью воспринимать всякій успѣхъ и плодъ ихъ умственного рожденія. Наконецъ и въ возможности перерожденія, посредствомъ образованія, даже отъ природы тупоумныхъ, извращенныхъ, злобныхъ и испорченныхъ натуръ великій педагогъ—гуманистъ не сомнѣвается, и то, что предлагаетъ онъ по отношеніи къ этимъ несчастнымъ натурамъ, проникнуто, можно сказать, религіознымъ убѣжденіемъ въ силу воспитанія и глубочайшимъ духомъ гуманности и христіанской любви, которыми должна вдохновляться истинно воспитательная дѣятельность. Какъ въ природѣ существуетъ противъ всякаго яда противоядіе, и какъ не плодоносныя деревья при надлежащей посадкѣ и уходѣ могутъ сдѣлаться плодоносными; такъ и тутъ не должно отчаяваться, а слѣдуетъ неуклонно бороться и заботиться... Въ этихъ идеяхъ, (говоритъ справедливо С. И. Миропольскій), славянскій педагогъ является провозвѣстникомъ того гуманнаго принципа, который только въ наше время создалъ воспитательныя заведенія для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ, сумасшедшихъ и преступниковъ. Различіе въ дарованіяхъ Коменскій признаетъ не за иное что, какъ только за отклоненіе или недостатокъ естественной гармоніи, въ томъ же родѣ, какъ болѣзни тѣла представляютъ нарушеніе гармоніи его составныхъ частей. Какъ для тѣла наиболѣе полезны не тѣъ врачевныя средства, которыя къ одной крайности присоединяютъ другую, но тѣ, которыя уравниваютъ крайности, чтобы на одной сторонѣ не было недостатка, а на другой излишка; такъ и пригоднѣйшимъ средствомъ противъ отклоненій ума будетъ такая метода, съ помощью которой умѣрялись бы излишества, а недостатки въ характерахъ пополнялись бы, и все приводилось бы въ естественную гармонію. Слѣдуя этому началу предлагаемая нами метода, говоритъ Коменскій, приспособляется къ среднимъ дарованіямъ, составляющимъ огромное большинство, умѣряя природы быстрыя, которыя для предупрежденія преждевременнаго истощенія нуждаются въ задержкѣ, а для болѣе медленныхъ натуръ, нуждающихся въ поощреніи, служа шпорами и стимуломъ. Но предупреждать излишекъ, или недостатокъ въ природныхъ дарованіяхъ всего лучше—пока они свѣжи т. е. пока они не укоренились. Сущность всего сказаннаго, заключаетъ Коменскій, можетъ быть выражена словами Плутарха: „То, какими родятся дѣти, независимо отъ человѣка, но сдѣлать ихъ посредствомъ правильнаго воспитанія добрыми, -это въ нашей власти.“ Возможность образовать все юношество при всѣхъ его столь различныхъ природныхъ задаткахъ для одной и той же цѣли Коменскій основыв-

васть на томъ всеобщемъ, антропологическомъ и слѣд. естественномъ принципѣ, что всѣ люди, какъ бы не различались въ своихъ индивидуальныхъ дарованіяхъ, имѣють одинаковую человѣческую натуру, снабженную одинаковыми органами развитія (гл. XII).

§ 9. Такимъ образомъ эти краткія, но глубоко вѣрныя замѣчанія Коменскаго объ индивидуализаціи образовательно-воспитательныхъ способовъ примѣнительно къ естественнымъ свойствамъ воспитаемыхъ суть практическія примѣненія общей педагогической великой доктрины, основы которой ясно сознаны были впервые философско-педагогическимъ гениемъ Эллина Сократа, систематическое же развитіе и научное истолкованіе которой совершенно гениемъ славянина Коменскаго. Эта великая доктрина, этотъ основной принципъ педагогики и школы—состоитъ въ томъ, что воспитаніе и образованіе человѣка въ своихъ методахъ должно сообразоваться съ законами естественнаго процесса развитія человѣческой природы, или какъ формулируетъ этотъ основной принципъ педагогики и школы самъ Амосъ Коменскій: *правильный порядокъ школы-метода воспитанія и обученія-долженъ быть заимствованъ отъ природы ибо искусство не можетъ сдѣлать ничего больше, какъ только подражать природѣ* (гл. XIV). Тотъ порядокъ, который мы хотѣли бы принять за основную идею для искусства всему учить и учиться, не можетъ и не долженъ быть заимствованъ не изъ какого иного источника какъ отъ самой учительницы—природы, настойчиво утверждаетъ великій педагогъ. Если это будетъ строго установлено, то искусство будетъ идти также легко и свободно, какъ легко и свободно совершается все естественное. Наблюдая процессы, которые совершаетъ природа, я надѣюсь утвердить убѣжденіе, что такимъ именно образомъ должно и намъ поступать. Во имя Бога, мы приступаемъ къ отысканію основаній, на которыхъ, какъ на неизблѣмыхъ утесахъ, могла бы быть построена система ученія и обученія.

По свойству своего глубоко-философскаго универсальнаго ума, возводя педагогическій принципъ естественнаго развитія, управляемаго внутренними законами челоуѣческаго существа, къ *идеѣ міроваго, общаго всему совершающемуся въ природѣ, закона естественнаго развитія*, Коменскій въ своей великой дидактикѣ анализируетъ и истолковываетъ этотъ общій принципъ въ точныхъ и конкретныхъ, опредѣленныхъ формулахъ основныхъ законовъ естественнаго развитія, (построя параллельную имъ систему правилъ, или основаній *fundamenta*) воспитывающаго, обученія, такъ что характеръ и распредѣленіе методовъ образованія приведены въ полную гармонію и соотвѣтствіе съ порядкомъ

и формою естественнаго развитія самихъ способностей. Эти общіе основныя законы обученія разработаны въ подробностяхъ и превращены въ полную систему раздѣльныхъ основоположеній, такъ что въ великой дидактикѣ Коменскаго педагогическій міръ впервые получилъ *научную теорію*, на которой должно быть основано *искусство* наилучшаго воспитанія человѣка. По справедливому замѣчанію покойнаго профессора П. Д. Юркевича, основныя законы воспитательнаго обученія развиты и выражены Коменскимъ въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ основаній, что въ этомъ отношеніи вся послѣдующая и современная педагогика получила очень незначительныя и второстепенныя приращенія. Достаточно напомнить, что знаменитыя дидактическія правила Дистервегова Wegweiser—и составляютъ только частію дословное *uevbatim* повтореніе, а частію комментарий основныхъ правилъ обученія, необыкновенно полно, логично и по истинѣ мастерски изложенныхъ въ XII, XVII, XVIII и XIX главахъ великой дидактики Коменскаго. Мы постараемся изложить здѣсь духъ этихъ законовъ по возможности словами самаго великаго педагога.

Ставя задачей обученія—положительныя, вѣрные результаты его, или успѣхъ навѣрно и характеризуя такое обученіе тремя существенными качествами, его легкостію, скоростію и основательностію, Коменскій начинаетъ изложеніе общихъ условій такого обученія слѣдующими возвышенными словами: „въ Евангеліи находится слѣдующая прекрасная притча І. Христа: Царствіе Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю—и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, онъ не знаетъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ“. Такъ и тѣ, которые обучаютъ юношество, должны прилагать стараніе особенно къ тому, чтобъ разумно виѣдрять въ умъ сѣмена знаній и своевременно орошать влагой божьи растеньица; „преуспѣяніе же и возрастаніе ихъ приходитъ *свыше...* А такъ какъ „*искусство духовнаго насажденія*“ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ приспособленіемъ приемовъ этаго искусства къ законамъ дѣйствій природы, то теперь мы укажемъ путь природы, чтобы найти прочныя основанія для того, чтобы это искусство (обученіе) навѣрное шло съ успѣхомъ безъ неудачъ.

(Продолженіе будетъ).